

902.6.

С 34

Сибирский архив.

№ 1. Январь 1915 года.

Цѣна 35 коп.

СИБИРСКІЙ
АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азійи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 3-й.

№ 1.

Январь 1915 года.

МИНУСИНСКЪ.

 Электро-типографія А. Ф. Металкина и К^о.

1915.

Оглавленіе № 1.

	Стр.
1. И. Сафьяновъ. Прошлое и настоящее Сай-отскаго народа	1
2. В. А. Ватинъ. Изъ исторіи порто-франко на Дальнемъ Востокѣ	25
3. А. М. Серебrenицковъ. Памяти врача-пси-хіатра Владимира Аполлоновича Брянцева .	34
4. И. Кузнецовъ-Красноярскій. Ордеръ отъ генерала-порутчика и лейбъ-гвардіи премьеръ-майора Тобольскаго губернатора и кавалера Чичерина г. титулярному совѣтнику и Красно-ярскому воеводѣ князь Пелымскому . . .	37
5. Н. Путиловъ. Лѣтопись Усинской миссіи .	41
6. Замѣтки.	

СИБИРСКИЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи
и этнографіи Сибири, Средней Азіи и
Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 3-й.

№ 1.

Январь 1915 года.

МИНУСИНСКЪ.

Электро-типографія А. Ф. Метелкина и Ко.

1915.

Сайотія.

Красивый край,—тамъ все цвѣтеть,
 Тамъ степь широкая поетъ,
 Тамъ Улу-кемъ громадой водъ
 Весь отражаетъ небосводъ!
 Хребтовъ таинственная тѣнь
 Играетъ по степи весь день;
 Цвѣтовъ душистый ароматъ
 Напоминаетъ дивный садъ!
 Но интереснѣй всѣхъ чудесъ
 На Танпу-ола темный лѣсъ,
 Въ немъ снѣгъ не падаетъ зимой,
 Въ морозъ онъ зеленъ, какъ весной!
 А лѣтомъ на дремучій боръ
 Холодный вѣтеръ дуетъ съ горъ,
 И солнце въ полдень не печетъ
 И по ущельямъ виденъ ледъ!
 Потоковъ шумная волна
 Волшебной прелести полна,
 Она легенду намъ поетъ
 О прошломъ нынѣшнихъ сайотъ!

И. Сафьяковъ.

Прошлое и настоящее Сайотского народа. *)

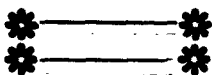
(Вступленіе).

Мм. Гг

Далеко на югъ отъ насъ, за сѣдими вершинами Саянъ, живетъ мало извѣстный вамъ сайотскій народъ. Еще недавно тихо и своеобразно текла его жизнь; много интереснаго, какъ вы потомъ увидите, можно было найти и въ самихъ сайотахъ и въ ихъ родной землѣ, но теперь, благодаря исключительному географическому положенію, а также особенному отношенію къ сайотамъ ихъ сѣверныхъ и южныхъ сосѣдей, вся эта жизнь, такая интересная, самобытная, исчезаетъ, уходитъ въ область преданій.

Какъ человѣкъ, хорошо знающій сайотскій край, я беру на себя смѣлость, хотя немного, познакомить васъ съ прошлымъ и настоящимъ сайотскаго народа.

Сейчасъ я прочту вамъ географическій очеркъ Сайотіи и обрисую, насколько возможно, ея историческое прошлое; потомъ, познакомлю съ недавними событіями въ краѣ, такъ сказать, его настоящимъ; затѣмъ, покажу на экранѣ нѣсколько снимковъ,**) по которымъ вы наглядно познакомитесь съ природой Сайотіи, типами ея жителей, съ ихъ домашней, общественной и религіозной жизнью, и, наконецъ, если позволите, то присутствующіе здѣсь сайоты споютъ и сыграютъ на своихъ инструментахъ нѣсколько мотивовъ родной мелодіи, а я прочту, какъ образецъ сайотской поэзіи, ихъ національную сказку—былинку, записанную мною со словъ народнаго сказочника—баяна.

*) Лекція, прочитанная Иннокентіемъ Георгіевичемъ Сафьяновымъ 2 января 1915 г. въ помѣщеніи театра Минусинскаго вольно-пожарнаго общества при громадномъ стеченіи публики И. Г. Сафьяновъ хорошо извѣстенъ въ Минусинскомъ краѣ, какъ прекрасный знатокъ Сайотіи. Мало того, у него есть еще одно чрезвычайно важное качество: онъ не абстрактно только изучаетъ жизнь сайотскаго народа, но съ искренней любовью къ нему, этому народу—страдающему.
Редакція.

***) Часть снимковъ потомъ будетъ помѣщена въ „Сиб. Архивѣ“.

I.

Географическій очеркъ.

Переваливъ Саянскій хребеть, вы въѣзжаете сначала въ долину рѣки Уса, въ такъ называемый Усинскій пограничный округъ, а затѣмъ, спускаясь все ниже и ниже, попадаете на правый берегъ р. Улу-хема, по русски Енисея, и сразу оказываегесь въ самомъ центрѣ сайотскаго края. Вся сайотская земля занимаетъ болѣе 100.000 кв. верстъ. Съ сѣвера границы ея подходятъ къ самымъ Саянамъ; на югѣ, переваливъ высокую цѣпь хребта Танну-олла, онѣ глубоко врѣзываются въ монгольскія степи; на востокѣ упираются въ озеро Косоголь, а съ запада соединяются съ границей нашего Кузнецкаго округа.

Вся эта площадь земли, занимаемая въ настоящее время сайотами, представляетъ собою глубокую котловину, почти всю перерѣзанную каменистыми отрогами окружающихъ ее хребтовъ.

Могучія водныя артеріи Улу-хема въ достаточной степени орошаютъ всю страну. Сѣверные склоны горъ покрыты густымъ лиственничнымъ лѣсомъ, а южные обыкновенно безлѣсны и ихъ каменистые скаты заросли рѣдкой, но, правда, очень цѣнной для скотовода травой.

Долина Улу-хема, ниже слиянія двухъ его вершинъ Ний-хема и Ха-хема, а также долины большинства его нижнихъ притоковъ—степная, но эти степи мало пригодны для хлѣбопашества, хотя сайоты еще въ глубокой древности упорно старались культивировать ихъ подъ пашню, для чего проводили грандіозные оросительные каналы.

Климатъ Сайотіи значительно холоднѣе Минусинскаго; поздняя весна и ранніе осенніе заморозки нерѣдко губятъ не только хлѣбныя посѣвы, но и привычную къ морозу степную траву, а июльскій жаръ высушиваетъ почву такъ, что она трескается и разрываетъ корни растений. Періодъ дождей наступаетъ обыкновенно только въ августѣ, такъ что безъ искусственнаго орошенія хлѣбопашество въ краѣ, повторяю,

невозможно; но и при орошеніи оно не имѣть будущаго, потому что выпускаемая на полосы для поливки посѣвовъ вода постепенно уноситъ плодородный, но очень тонкій слой почвы и черезъ два-три года на полосахъ остается только лишь сплошной камень.

Вообще, Сайотія страна не земледѣльческая и многолѣтныя старанія ея жителей оказались безплодными превратить ее въ таковую.

Тайга темнымъ кольцомъ окружаетъ край, но цѣннаго пушнаго звѣря въ ней мало, и только въ глухихъ уголкахъ ея водятся еще соболи, рыси, бобры и бѣлка; зато дикія скалы Сайотіи изобилуютъ горными козлами и баранами, въ лѣсныхъ болотахъ и на снѣговыхъ вершинахъ хребтовъ гуляютъ олени, маралы и сохатые, а степныя озера полны стадами утокъ, гусей и лебедей.

Сайоты хорошіе скотоводы и скотоводство даетъ имъ все необходимое въ ихъ скромной жизни. Отсутствіе вѣтровъ и глубокаго снѣга зимой позволяетъ ихъ скоту зимовать на подножномъ корму, что значительно облегчаетъ и удешевляетъ уходъ за нимъ, а изобиліе въ краѣ великолѣпныхъ пастбищъ лѣтомъ—даетъ полное основаніе сказать, что Сайотія, какъ скотоводческая страна, имѣетъ богатое будущее.

II.

Историческое прошлое Сайотіи.

Теперь перейду къ историческому прошлому Сайотіи. У сайотъ нѣтъ своей грамотности, они читаютъ и пишутъ по-монгольски или по-тангутски (тибетская грамота), поэтому у нихъ нѣтъ никакихъ записей о своемъ прошломъ и только устные преданія въ видѣ сказокъ—быльицъ даютъ намъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно сдѣлать историческій обзоръ ихъ прошлаго.

Сайоты называютъ себя *тува* и считаютъ ту землю, на которой сейчасъ живутъ, своей родной. Кстати замѣчу, что официально сайотъ принято называть *урялхами*. Это прозвище дали имъ монголы, слово же *сайотъ*, вѣроятно, измѣненное изъ *саитъ* или *сам*; такъ назывались въ старину два самыхъ сильныхъ рода.

Много лѣтъ тому назадъ сайоты дѣлились только на роды, которые, соединившись вмѣстѣ, образовывали отдѣльныя.

общины; такими общинами управляли старшины, они же обыкновенно были и жрецами ихъ свободной религіи (хамами или шаманами). Другой власти надъ собою сайоты не знали. Зерло они пахали обществомъ, каналы проводили также, на промыселъ ходили артелями; скоть и другое имущество хотя и дѣлилось между отдѣльными хозяевами, но обѣдѣвшій могъ смѣло просить себѣ надѣлъ у богатаго и всегда получалъ его, какъ должное.

О податяхъ и налогахъ сайоты ничего не знали, жили дружно и свободно. Молодежь избытокъ своихъ силъ тратила на удалые набѣги въ сосѣдную Монголію, старики пили кумысъ и сосредоточенно слушали вдохновенныя пѣсни своихъ шамановъ, а женщины рожали здоровыхъ дѣтей и вели несложное хозяйство.

Это былъ лучший періодъ жизни сайотскаго народа. Но всему бываетъ конецъ, пришелъ онъ и сайотскому благополучію.

Первыя тревожныя вѣсти принесли охотники съ сѣвера—тамъ русскіе тѣснили и уничтожали родственныхъ сайотамъ абаканскихъ татаръ, а потомъ и съ юга раздались грозные раскаты грома—это китайцы покоряли Монголію! Испугался черныхъ тучъ свободный народъ, замолкли его веселыя пѣсни; всѣ чувствовали, что надвигается гроза и рѣшили бороться, насколько хватить силъ. Все ближе и ближе подходили грозныя полчища китайцевъ, они упорно преслѣдовали отступающаго передъ ними послѣдняго борца за независимость Монголіи знаменитаго Шидарь-Уванъ-Хана. Спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, онъ съ товарищами поднялся на высокія вершины Танну-олла и хотѣлъ тамъ скрыться, но дымъ отъ костровъ, неосторожно разведенныхъ ими на ночлегѣ, выдалъ ихъ мѣстопребываніе и желтые варвары, какъ волки, накинулись и растерзали храбрую дружину Шидарь-Увана, а самого взяли живымъ и увезли въ Пекинъ, гдѣ отрубили ему голову. Сохранилось преданіе, что черезъ годъ послѣ казни Шидарь Увана у любимой жены китайскаго императора родился сынъ съ головою казненнаго; придворные въ страхѣ доложили объ этомъ чудѣ императору, который сначала очень разгнѣвался, но потомъ, посоветовавшись съ членами императорской фамиліи, рѣшилъ назвать новорожденнаго Шидарь-Вапомъ, а родственниковъ казненнаго хана простилъ и, богато одаривъ, позволялъ имъ вернуться на родину.

Между тѣмъ, поймавшіе Шидарь-Увана отряды китайцевъ перешли хребетъ Танну-олла, спустились въ сайотскія степи и побѣдоносно пошли впередъ.

Тутъ я позволю себѣ прочесть вамъ сказку, въ которой народный баянъ вдохновенно рассказываетъ объ этомъ нашемъ китаецѣ.

Сказка о великой ночи.

(Народная сайотская былина).

Когда то, въ давнія времена сѣдой загадочной старины, въ нашу родную страну явились грозные завоеватели китаицы.

Словно тучи нависли надъ широкими степями несчастной родины; тьмой и холодомъ повѣяло съ высокихъ вершинъ величавыхъ хребтовъ Тапну-олла; лютый врагъ свирѣпо шелъ впередъ, повсюду сѣя смерть и разореніе!

И много ихъ было и все гибло на ихъ пути. Кровавыми озерами отмѣчались ихъ ночныя стоянки, сотни головъ скота убивались, тысячи барановъ рѣзались кровожадными варварами. Большіе караваны верблюдовъ везли за ними награбленные сокровища и черной полосой среди зеленѣющихъ степей ложился ихъ слѣдъ. Еще сейчасъ, сотни лѣтъ спустя, мы видимъ слѣды ужасныхъ ночевокъ: въ горахъ, гдѣ были пролиты потоки крови несчастныхъ животныхъ, выступаютъ изъ нѣдръ земли кровавые родники, закипая зимой красною паледью (Кызыль-Булуки).

Испуганный, подавленный бѣжалъ нашъ народъ въ глухую тайгу угрюмыхъ великановъ горъ, бросая скоть и имущество; но находились и смѣлые, державшіе задержать разрушительное шествіе желтыхъ варваровъ. Какъ быстрые соколы, они внезапно врѣзывались въ передовые отряды врага, производя среди нихъ великое смятеніе, останавливая эту дикую огромную толпу, заставляя ее въ необъяснимомъ страхѣ кидаться назадъ, поснѣшно строить землянныя окопы и сидѣть въ нихъ, ожидая битвы.

Жалкіе трусы! Только своимъ подавляющимъ большинствомъ, своей безпримѣрною жестокостью вы хотѣли поработить нашу родину.

Богатырской стѣной черпѣть вдали утесъ Джарга; туда то и направились несмѣллыя полчища, тамъ думаютъ они найти спрятанныя перепуганнымъ народомъ сокровища. Все ближе и ближе надвигаются черныя тучи. Но вдругъ передъ ними встаетъ неожиданно преграда. Что такое?

Переливаясь всѣми цвѣтами радуги, величаво катятся свѣтлыя волны красавца Улу-хема. Просторъ и сила дивной

рѣки поражаютъ далекихъ пришельцевъ, они остаиваются изумленные!

Дальше путь отрѣзанъ...

Шумить и волнуется вражескій лагерь. Робко подходят усталые люди къ серебряной водѣ, наклоняются, пробуютъ и затѣмъ съ наслажденіемъ пьютъ прохладную смѣлую (пышканъ сухъ) воду Улу-хема. Тысячи палатокъ расположились вдоль утесистаго берега,—всѣмъ хотѣлось въ эту тихую лѣтнюю ночь любоваться невиданнымъ зрѣлищемъ гигантской рѣки, хотѣлось забыть кровавые призраки пережитаго! Тихо и плавно катятся темныя волны, весело купается въ ихъ холодныхъ струяхъ царица неба—луна; природа и люди довѣрчиво отдались безмятежному покою. Все спитъ... Но вотъ лунный свѣтъ погасъ. Темно... Жутко...

Вдругъ на вершинѣ прибрежнаго утеса появляется облако, а въ немъ силуэтъ Кара-хама! Еще мгновение и глухіе удары бубна поднимаютъ на ноги весь лагерь. Сонные растерянные смотрятъ всѣ на дивное облако, на черныя призраки грознаго шамана!

„Бумъ-бумъ!“—таинственно и страшно гудитъ бубень. Сердца пришельцевъ леденеютъ, паническій страхъ сковываетъ ихъ волю! „Бумъ!“ громко и смѣло раздается въ ночной мглѣ; всѣ жмутся къ береговымъ утесамъ, безсознательно ища защиты у ласковой красавицы-рѣки.

Вдругъ хамъ поднимаетъ высоко надъ головой свой бубень и съ свистомъ, хохотомъ и визгомъ начинаетъ кружиться въ бѣшепомъ танцѣ, а изъ сосѣдней Елегесской долины таинственно поднимается и быстро растетъ бѣлый призракъ страшнаго Албыса. Въ ужасѣ смотрятъ испуганные варвары на это грозное чудовище!

Оглушительный ударъ грома, яркій слонъ молній и глухіе подземные раскаты довершаютъ величественную картину справедливаго гнѣва великой матери нашей природы и ея любимаго сына Кара-хама! Еще моментъ и береговые утесы Улу-хема съ трескомъ и шумомъ падаютъ въ холодныя волны коварной рѣки, увлекая за собою сотни обезумѣвшихъ людей!

А за рѣкой, въ тѣни тополевыя рощъ, радостно молились наши, горячо привѣтствуя своихъ дивныхъ избавителей!

Да! Великаа это была ночь! Громкіе призывные удары чудеснаго бубна Кара-хама разносились по всей землѣ и въ отвѣтъ имъ со всѣхъ сторонъ летѣли правительственные звуки бубновъ всѣхъ хановъ нашей родины.

Весь воздухъ наполнился музыкой. „Бумъ-бумъ!“—вторили горы; „шу-шу!“—гудѣли вѣковые лиственницы; „тартъ-тартъ!“—шумѣла своими перекатами рѣка. Съ глухимъ рокотомъ падали утесы гордой Джарги, образуя непроходимыя каменные осипи, заваливая спрятанныя въ глубокихъ пещерахъ пиродными сокровища! Бѣшенымъ потокомъ мчалъ до сей ночи спокойныя свои воды Елегесъ.

Нашъ народъ цѣлую ночь не спиналъ шапокъ, благоговѣйно слушая горячо любимую природу мать.

Но вотъ предрасвѣтныи лучъ разсѣкъ мглу и все затихло. Густой туманъ окуталъ тихо дремавшую рѣку и ея величаво спокойныя берега; когда же онъ разсѣялся, обрадованный народъ, взобравшись на высокую вершину Джарги, долго смотрѣлъ на позорное бѣгство желтыхъ завоевателей!

Великій былъ Кара-хамъ, страшный и грозный поднялся изъ нѣдръ старыхъ утесовъ бѣлый Албысь, но величавѣе, сильнѣе и страшнѣе показала себя въ эту волшебную ночь царица всего живущаго въ мѣрѣ—Природа!

Глубоко кланяемся ей!

Такъ кончился первый набѣгъ китайцевъ. Народная фантазія увѣковѣчила его въ этой красивой сказкѣ.

Побывавъ разъ въ Сайотіи, китайцы не забыли ея привольныхъ степей и снова вернулись туда. На этотъ разъ они были осторожнѣе и скоро вся сайотская земля была въ ихъ рукахъ. Во главѣ китайскихъ отрядовъ пришли завоевывать сайоть два монгольскихъ князя Бейзэ и Мадо. Покоривъ край, они возвратились домой, захвативъ съ собой въ качествѣ заложниковъ нѣсколько сотъ сайотскихъ семействъ со всемъ ихъ имуществомъ и скотомъ. Долго томилась въ неволѣ несчастныя плѣнники, много умерло ихъ на чужбинѣ и только тогда, когда погибъ весь ихъ скоть, жестокіе тираны отпустили ихъ на родину, чтобы тамъ, оправившись отъ плѣна, они могли платить имъ ежегодный оброкъ. Всю сайотскую землю китайцы раздѣлили на 9 округовъ, четыре изъ нихъ дѣлились въ свою очередь каждый на 4 общества, два имѣютъ только по одному обществу, одинъ десять обществъ и одинъ самый многочисленный и богатый семнадцать обществъ.

Округъ по-сайотски называется *хошуна*, а каждое общество *сумо*. Начальникъ хошуна называется *та-найонъ*, начальникъ сумо—*джалъ*; какъ у того, такъ и у другого имѣется цѣлый штатъ чиновниковъ, а всѣми ими управлялъ тогда *я-лобанъ-найонъ*—глава всей Сайотіи. Это дѣленіе за нѣкоторыми ис-

ключеніями осталось и сейчасъ. Чиновниковъ китайцы назначали изъ бывшихъ старшинъ. Дань, которую должны были платить сайоты, была небольшая; съ нею богатый и вольный народъ справлялся легко и жизнь края снова потекла было тихо и мирно; но однако бѣда все же пришла и подкралась она незамѣтно. Дѣло въ томъ, что чиновники, отвозя ежегодно кптайцамъ дань, заразились ихъ гнойной культурой, узнали вкусъ проклятаго зелья-вина, научились нелѣпому чиновничьему чванству и пьяные, ползая у ногъ своихъ угнетателей, выпрашивали себѣ чиновные знаки—каменные цвѣтные шарики и павлинныя перья, а возвратившись домой, высоко задирали свои поглупѣвшія головы. Всѣ эти поѣздки тяжелымъ бременемъ ложились на народъ, такъ какъ чины и награды не лавались даромъ, за нихъ приходилось платить серебромъ, которое пьяные чиновники брали въ долгъ у китайскихъ купцовъ подъ большіе проценты, и такимъ образомъ нарасталъ тотъ неоплатный долгъ, который впоследствии, какъ сѣтью, опуталъ свободный сайотскій народъ и отдалъ его въ экономическое рабство Китая.

Такъ пало народное самоуправленіе, но этимъ еще не былъ панесенъ смертельный ударъ сайотской самобытности и до послѣднихъ лѣтъ она ярко свѣтилась во многихъ проявленіяхъ ихъ общественной жизни. Не заглушали ее и русскіе колонизаторы, не смотря на ихъ горячее желаніе скорѣе покончить съ поганой ордой, но за недалекое будущее дѣлается страшно, ибо разлагающее вліяніе двухъ заботливыхъ сосѣдей все сильнѣе сжимаетъ желѣзнымъ кольцомъ ослабѣвшій въ непосильной борьбѣ сайотскій народъ.

Между прочимъ, китайцы очень сочувственно отнеслись къ распространенію съ Сайотин ламаизма, съ введеніемъ котораго появились среди вольнаго народа духовные паразиты и, какъ это случалось вездѣ, начали пить народную кровь и поработать душу народа. Загорѣлась борьба между жрецами свободной религіи и бритоголовыми ламами, которые, какъ болѣе культурные и лучше организованные, скоро побѣдили, хотя еще и сейчасъ шаманы занимаютъ извѣстное общественное положеніе и сайотъ въ трудную минуту жизни счастла обращается къ шаману, а потомъ уже идетъ за советомъ къ ламѣ; встрѣчаются и такіе курьезы, когда самъ старшій лама обращается къ шаману съ просьбой изгнать изъ его юрты злыхъ духовъ. Чтобы успѣшнѣе конкурировать съ шаманами, практичныя ламы ввели въ обрядъ богослуженія бубны, на подобіе шаманскихъ, и молъ ихъ красивые таинственные звуки ловко опутываютъ вѣрующихъ. Теперь въ

странѣ нѣсколько монастырей—разсадниковъ ламаизма; самый старинный изъ нихъ, такъ называемый Саенъ-курѣ, на лѣвомъ берегу р. Теса, въ самой южной части Сайотин; въ немъ богатая бібліотека тибетскихъ духовныхъ книгъ, а самый богатый—Да зошунъ-курѣ на Кемчикѣ, въ долинѣ рч. Чадана.

Много нужно было времени, чтобы изъ вольныхъ сыновъ Сайотин выработать послушныхъ рабовъ китайскаго правительства; сами ставленники Китая амбань-найоны перѣдко измѣняли традиціямъ чиновничества и ѣхали искать правды къ самымъ стѣнамъ грознаго Пекина, но ихъ тамъ обыкновенно сейчасъ же лишали власти и за дерзкій поступокъ жестоко наказывали, а народъ потомъ цѣлыми годами выплачивалъ громадный штрафъ. Наконецъ, верховная власть пошла та-найону Ойнарскаго хошуна-первому богачу въ край, да такъ и осталась навсегда за нимъ; повидимому, онъ лучше другихъ сумѣлъ подладиться къ китайцамъ. Послѣдній представитель этой династїи живъ и сейчасъ; онъ еще сравнительно молодой человекъ, получилъ свой коралловый шарикъ и серебрянную печать отъ отца. Очень добрый, привѣтливый, съ дѣтской улыбкой на лицѣ, онъ страшно вспылчивъ и тогда дѣлается звѣремъ. Умственно убогій, безвольный,—онъ весь въ рукахъ своихъ руководителей—старыхъ заслуженныхъ чиновниковъ. Боясь китайцевъ, безпрекословно исполняя ихъ предписаніе, онъ въ то же время симпатизируетъ русскимъ, особенно послѣ оказаннаго ему приѣма въ с. Усинскомъ и полученія золотой медали отъ Бѣлаго Царя въ 1910 году. Управляющіе отдѣльными хошунами та-найоны были умѣе и талантливѣе своего начальника, особенно одинъ изъ нихъ, теперь уже умершій, Кемчикскій та-найонъ Хойдупъ. Умный, очень самолюбивый, сынъ незамужней женщины, много перенесшій въ дѣтствѣ, онъ занялъ свою высокую должность по выбору своего хошуна; это дѣлается тогда, когда голубой шарикъ та-наюна переходитъ не отъ отца къ сыну, какъ обычно, а передается по волѣ хошуна другому, болѣе достойному, и потомъ уже этотъ выборъ утверждался китайскимъ правительствомъ. Сдѣлавшись та-найомомъ, Хойдупъ предложилъ хошуну отдѣлиться отъ амбань-наюна, образовать свое собственное управленіе и отвозить подати непосредственно въ Улсутай, главный административный пунктъ Монголіи; при этомъ онъ сумѣлъ доказать всю выгоду своего проекта. Примѣръ такого отдѣленія уже былъ; еще задолго до этого ушелъ отъ амбана Хазутскій хошунъ. Чтобы получить красный шарикъ и отдѣльную печать—знаки высшей власти въ Сайотин, пришлось дать взятку вице-ко-

ролю Монголин; это обошлось хошуну очень дорого, но нужные средства были скоро собраны съ богатыхъ людей всего округа, при чемъ самъ Хойдупъ отдалъ почти все свое состояніе. Утвердивъ свою власть надъ самой населенной и богатой частью Сайотин, Хойдупъ, между прочимъ, хотѣлъ освободиться отъ безцеремонной эксплуатаціи его народа русскими купцами и пригласилъ къ себѣ въ хошунъ нѣсколько богатыхъ китайскихъ фирмъ изъ Улясутаея. Началась отчаянная конкуренція русскихъ купцовъ съ китайскими, отъ чего всѣ товары сильно подешевѣли и населеніе вздохнуло свободнѣе; но такъ продолжалось недолго и «братья по эксплуатаціи ближняго» скоро поняли весь вредъ отъ такой борьбы: мирно подѣляли свои спекуляціи и начали взаимно помогать другъ другу. Понялъ и Хойдупъ тогда, что горько ошибся и вмѣсто пользы принесъ своей родинѣ вредъ, но исправить уже ничего не могъ, потому что китайцы скоро наводнили всю Сайотию вмѣстѣ съ своими товарами и волкой, которая въ первое время заняла въ жизни сайота видное мѣсто и принесла всему народу такой ущербъ, который теперь и учесть невозможно! Много приглось принести жертвъ, пока удалось избавиться отъ этого ужаснаго пьянаго кошмара, а Хойдупъ не могъ пережить позора своей, такъ горячо любимой имъ, родины и умеръ еще сравнительно молодымъ отъ паралича сердца.

Много интересныхъ тишовъ есть среди дикихъ, какъ обыкновенно думаютъ, кочевниковъ Сайотин, но сейчасъ говорить о всѣхъ не буду; лишь объ одномъ изъ нихъ не могу умолчать, очень ужъ онъ былъ замѣчательный человекъ! Я говорю былъ, потому что теперь его вѣтъ—жестокая болѣзнь унесла его въ преждевременную могилу, точнѣе въ сухую песчанную степь, гдѣ волки въ первую же ночь, вѣроятно, растерзали его тѣло, а душа переселилась въ могучаго орла, который теперь горделиво паритъ въ сипевѣ яснаго неба, окидывая любовнымъ взглядомъ свою милую родину.

Долженъ здѣсь замѣтить, что сайоты не зарываютъ своихъ покойниковъ въ землю, какъ это было у нихъ прежде, а отвозятъ ихъ въ безводныя мѣста, гдѣ и кладутъ на землю, завернувъ въ кусокъ бѣлой матеріи. Есть повѣріе, что тѣло хорошаго человека сейчасъ же поѣдается волками, плохого же медленно уничтожается червями. Душа умершаго оставляетъ тѣло на третій день и переселяется, по усмотрѣнію Всевышняго, въ какое нибудь животное или растеніе.

Но вернемся къ прерванному разсказу.

Богатый человекъ, знатнаго рода, онъ долго и упорно отказывался отъ власти, которую предлагалъ ему амбань-найонъ. Хорошо изучившій монгольскую и тангытскую грамоты, онъ считался самымъ образованнымъ не только въ своемъ округѣ, но и далеко за предѣлами его. Чтобы навсегда отказаться отъ служебной карьеры, онъ перешелъ въ духовное сословіе и получилъ первый духовный санъ *хелина*, сталъ читать духовныя книги, совершилъ пономничество въ далекой монастырь, провелъ въ пути три года, видѣлъ Китай, побывалъ въ Пекинѣ, но, вернувшись домой, все же былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при амбань-найонѣ (*мейрингъ*, свѣтло-голубой шарикъ), каковую должность исполнять до самой смерти, но исполнять не такъ, какъ другіе, потому что органически не могъ быть современнымъ сайотскимъ чиновникомъ. И сколько разъ разгнѣванный найонъ хотѣлъ его разжаловать и наказать, но не рѣшался: слишкомъ ужъ популяренъ былъ среди своего народа смѣлый, горячій защитникъ его интересовъ Ортунъ-мейрингъ! Зная его ученость, духовный владыка Сайотимъ (та-лама) много разъ просилъ Ортуна принять санъ архіерея (хамба) и завѣдывать Оинь-куре (монастырь въ Ойнарскомъ хошунѣ), но онъ и тутъ отказался разъ навсегда отъ великой чести. По поводу этого онъ, помню, рассказалъ мнѣ интересную сказочку.

Вотъ она.

„Въ пустынномъ горномъ ущелии, среди дремучей тайги, на высокой скалѣ, въ пещерѣ, жилъ великій праведникъ (*бакши*) лама. Долго онъ тутъ жилъ, читалъ святаыя книги, морилъ себя голодомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ смерти, твердо увѣренный, что душа его, очистившись отъ тѣлесной оболочки, полетитъ прямо на небо. Въ этомъ же ущельѣ ежегодно охотился одинъ бѣднякъ Анчп (звѣропромышленникъ). Святой лама (гигэнъ) часто видѣлъ, какъ охотникъ убивалъ звѣрей и молился о его великихъ грѣхахъ. Однажды Анчп застрѣлилъ самку благороднаго оленя (маралуху, *мыйчакъ* по-сайотски); несчастное животное, падая со скалы, распоролось о острыя камни животъ, изъ котораго выпала дѣтенышъ и, побившись немного между ногъ матери, умеръ вмѣстѣ съ нею! Видъ этой тяжелой картины поразилъ охотника, онъ понялъ какую жестокость совершилъ и тутъ же рѣшилъ, что послѣ этого жить ему уже нельзя: ясное солнце не будетъ грѣть его своимъ свѣтомъ, земля застонетъ подъ ногами такого грѣшника. Грустно взглянувъ на окружающую природу, онъ положилъ ружье въ траву около

убитой маралухи и затѣмъ бросился внизъ съ отвѣсной скалы... Но тутъ свершилось великое чудо: не долетѣвъ немного до земли, онъ вдругъ былъ подхваченъ невѣдомой силой и унесенъ на небо! Все это видѣлъ ошельникъ лама изъ отверстія своей пещеры и удивленно думалъ, почему такъ случилось, что жестокій преступникъ Анчи взятъ на небо? Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшилъ, что всему причиной святость скалы, на которой живетъ онъ и съ которой бросился охотникъ и что ему слѣдуетъ сдѣлать тоже самое, чтобы скорѣе попасть въ рай. Уложивъ въ пещерѣ свои книги, надѣвъ лучшую одежду, взявъ четки, праведный лама взомель на скалу и бросился внизъ... Но опять свершилось чудо: святой человѣкъ упалъ на камни, разбилъ себѣ грудь, сломалъ всѣ ребра и въ страшныхъ мукахъ, проклиная жестокое небо, скончался! Тѣло его медленно поѣдали черви и и пришедшіе къ нему на поклоненіе люди съ ужасомъ побѣжали прочь“.

Такъ Ортунъ-мейринъ объяснилъ свой отказъ, чѣмъ, конечно, обидѣлъ почетнаго та-ламу и съ тѣхъ поръ они постоянно враждовали между собою. Не вѣря въ святость сайотскихъ ламъ, Ортунъ-хелинъ также не вѣрилъ и шаманамъ; тѣ и другіе обманывали его родной народъ, а этого онъ имъ простить не могъ. Въ обыденной жизни онъ свято хранилъ обычаи старины и его скотомъ пользовалось много бѣдняковъ. Его первая жена была бездѣтна, супруги взяли себѣ на воспитаніе одного мальчика у знакомыхъ и двоихъ дѣтей брата. Ортунъ хелинъ сейчасъ же приложилъ всѣ старанія, чтобы развить умственно этихъ дѣтей, но ихъ природная тупость помѣшала этому. Тогда супруги рѣшили во чтобы то ни стало имѣть своихъ дѣтей, для чего жена выбрала своему мужу молодую дѣвушку изъ бѣдной семьи и сама благословила ихъ на совместную жизнь. У сайотъ есть обычай брать вторую жену, но только первую обыкновенно возвращаютъ со всѣмъ приданымъ ея родственникамъ. Новый союзъ трехъ оказался счастливымъ и молодая жена народила Ортуну пять человѣкъ дѣтей, за которыми заботливо ухаживала старая.

Китайцевъ Ортунъ ненавидѣлъ и всѣми силами старался избавить родину отъ ихъ вторженія; съ русскими былъ крайне остороженъ и умѣло сдерживалъ ихъ жадные инстинкты. Вѣчно волнуясь, горя внутреннимъ огнемъ, онъ скоро угасъ, но память о немъ еще долго будетъ жить среди народа. Ортунъ любилъ природу, его стезями отиѣчались всегда красавицы мѣстополюженіемъ, въ его юртѣ было собрано

много старинныхъ вещей. Народные сказочники-музыканты часто посѣщали любимого бая (богача) и подъ ихъ печальныя пѣсни онъ думалъ о тяжеломъ будущемъ родной страны, терзаясь своимъ безсиѣемъ удержать ее на той наклонной плоскости, по которой она быстро катилась внизъ.

Этимъ рассказомъ я закончу пока исторію прошлаго Сайотин и перейду къ недавнимъ событіямъ, которыя перевернули всю жизнь края и совершенно измѣнили перспективы его будущаго.

Считаю нужнымъ теперь ознакомить васъ, что во всей Сайотин до семидесяти тысячъ душъ только мужского населенія; значить, всѣхъ жителей не менѣе 150000, что еще сейчасъ они имѣютъ до 1000000 головъ разнаго скота.

Всѣ предметы первой необходимости сайоты готовятъ сами; у нихъ есть свои кожевники, сапожники, портные, сѣдельные мастера, столяры, плотники, серебряки и очень искусные кузнецы, работою которыхъ пользуются даже русскіе для исправленія разныхъ частей сельско-хозяйственныхъ машинъ; но несмотря на все это, русскихъ товаровъ покупаютъ тамъ много и покупали бы еще больше, если бы цѣны на нихъ были болѣе или менѣе нормальныя.

Не чужда сайотамъ и промышленность; еще въ старину они добывали желѣзо, мѣдь, дѣлали порохъ; теперь же изъ молока готовятъ масло и др. молочные продукты; катаютъ кочмы, выдѣлываютъ овчины, плетутъ изъ волоса крѣпкія веревки, сплавляютъ по рѣкѣ изъ тайги строевой лѣсъ, собираютъ орѣхи, добываютъ озерную и каменную соль, заготавливаютъ для продажи сѣно и дрова, дѣлаютъ сѣдла и очень искусно украшаютъ ихъ серебромъ, а въ долину Кемчика есть хорошіе мастера по выдѣлкѣ чашекъ и другихъ вещей изъ сѣраго и чернаго камня. Охотники и рыболовы сайоты хорошіе, при чемъ всѣ орудія для охоты и рыбной ловли готовятъ сами, даже у ружей покупаютъ только стволы, все же остальное дѣлаютъ ихъ кузнецы. Земледѣльческія орудія у нихъ самыя примитивныя, но и ими они воздѣлываютъ землю такъ, что въ благоприятное лѣто всегда могутъ прокормить себя своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Сѣютъ они преимущественно ячмень и просо, а за послѣднее время стали сѣять пшеницу. Рогатый скотъ у нихъ молочный и крупный; овцы тонкорунныя, какъ у монголь; лошади, хотя и низкорослыя, но очень сильныя и выносливыя. Разводятъ также верблюдовъ, а жители таяжныхъ мѣстъ

занимаются оленеводствомъ. Кстати замѣчу, что мараловъ сайоты не ловятъ и не садятъ въ загороди, какъ крестьяне Усинскаго округа. Грѣхъ,—говорятъ,—вольнаго звѣря во дворъ садить, лучше уже убить его!

Теперь изъ всего прочитаннаго мною, я думаю, можно сдѣлать такой выводъ, что у сайотъ есть, несомнѣнно, своя исторія, своя, хотя и своеобразная, культура; что жили они прежде свободно и богато; есть среди нихъ люди очень интересные, уровень ихъ духовнаго развитія не такъ уже низокъ и, какъ видите, ихъ сказки не лишены даже поэзіи, а языкъ довольно разнообразенъ, я скажу, даже красивъ своими образными выраженіями.

И что если бы этотъ симпатичный народъ не былъ раньше поработенъ китайцами, а мы русскіе, вмѣсто самой безсовѣстной эксплоатаціи его, помогли бы ему, какъ добрые сосѣди, онъ бы теперь, вѣроятно, ушелъ далеко по пути прогресса. Вѣдь трудно описать весь ужасъ китайскаго ига! Безсовѣстный грабeжъ въ видѣ разныхъ налоговъ и процентовъ за долги, грубое наругательство надъ личностью, жестокія пытки вродѣ отмораживанія рукъ, всыпанія въ глаза мелко-изрубленнаго конскаго волоса съ цѣлю ослѣпленія, тяжелыя колодки съ отверстиями для шеи, ногъ и рукъ, безчеловѣчныя побои палками и мн. др. звѣрства были настолько обычнымъ явленіемъ, что сайоты привыкли къ нимъ и единичные протесты когонибудь изъ нихъ не встрѣчали поддержки въ окружающихъ.

Нахальство китайскихъ купцовъ тоже перешло всякія границы и торговля водкой приняла такіе чудовищные размѣры, что обратила на себя вниманіе даже нашего соотечественника извѣстнаго въ Россіи винокуреннаго заводчика Поклевскаго-Козелья, который два года тому назадъ сдѣлалъ попытку вступить въ конкуренцію съ китайцами, намѣреваясь построить въ Сайотинъ винокуренный заводъ и, только благодаря энергичному вмѣшательству завѣдующаго пограничными дѣлами Усинскаго округа, этотъ, по истинѣ дьявольскій, проєктъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Не видя иного выхода, сайоты пропивали послѣднее; въ порывѣ отчаянія у нихъ сложились такія поговорки: „если бы мы были сплошь покрыты густой шерстью, то и ту китайцы повытеревили бы изъ насъ за долги“.

Все, что было хорошаго, замерло; пьяный рагуль царилъ всюду; люди умирали отъ страшной отравы; гибель, казалось, была неизбежна и вдругъ совершенно неожиданно зимою 1912 года весь народъ, какъ одинъ человекъ, проснул-

ся отъ тяжелаго сна и выгналъ всѣхъ китайцевъ изъ своей родной земли. И какъ выгналъ! За немногими исключеніями, уже въ первые три дня возстанія ни одного китайскаго торговца не было на сайотской территоріи, товары ихъ были раздѣлены между кошунами, а торговые склады, вмѣстѣ съ находящеюся въ нихъ водкой, сожжены разгнѣваннымъ народомъ!

Интересно отмѣтить то, что, несмотря на сознаніе своей силы, ни одинъ сайотъ не только не убилъ, но даже не ударилъ ни одного китайца, и требовалъ и желалъ только одного, чтобы ненавистные угнетатели поскорѣ оставили ихъ край.

Вскорѣ изъ Монголіи пріѣхали гонцы съ просьбой оказать помощь въ войнѣ съ китайцами и мирный народъ, никогда не имѣвшій ни одного солдата, въ одинъ мѣсяцъ собралъ и отправилъ въ Монголію до 1000 человекъ конной милиціи, которая потомъ и принимала дѣятельное участіе въ штурмѣ Кобдо.

Освободившись отъ китайцевъ, сайоты сразу ожили; жизнь ихъ забила ключемъ, всѣмъ хотѣлось сдѣлать что-то хорошее и начать новую жизнь, но а. бань-найонъ оказался не на высотѣ своего призванія и въ нужный моментъ не сумѣлъ объединить весь сайотскій народъ, хотя и объявилъ себя царемъ Сайотів. Видя его безспіе, кошуны начали самостоятельно, каждый отдѣльно, устривать свое будущее и, вѣроятно, справились бы съ этой трудной задачей, если бы заботливые сосѣди оставили ихъ въ покоѣ. Но развѣ можно было быть спокойнымъ, когда добыча ускользала изъ рукъ. И вотъ началась травля съ двухъ сторонъ: монголы стремились всѣми способами утвердить свою власть надъ сайотами и мечтали поживиться за ихъ счетъ, а русскіе, совершенно игнорируя сайотъ, спѣшили захватить побольше ихъ земли и начали дѣлить ее на участки, какъ свою собственность. Такъ дѣло обстоитъ и сейчасъ.

У меня нѣтъ времени подробно познакомить васъ со всѣмъ, что творится сейчасъ въ сайотскомъ краѣ, придется это сдѣлать потомъ, если обстоятельства позволятъ, а теперь интересно еще знать, сознаютъ ли сайоты всю серьезность своего положенія, чувствуютъ ли, что теперь они болѣе, чѣмъ когда нибудь, стоятъ на краю пропасти?

Да, сознаютъ и борются и будутъ бороться до послѣдней степени всѣми имѣющимися у нихъ въ рукахъ средствами; но конечно, исходъ этой борьбы даже для неопосвященнаго человѣка вполне ясенъ, а между тѣмъ, сайоты, по своему, заслуживаютъ иной доли и наша обязанность прійти къ нимъ на помощь, хотя бы тѣмъ, что путемъ печати познакомить публику съ ихъ печальной исторіей!

За послѣднее время въ Сайотіи перебивала представители почти всѣхъ вѣдомствъ и къ каждому изъ нихъ сайоты обращались съ вопросомъ:

— Что же дальше будетъ?

Но отвѣта не получили, конечно! Между тѣмъ, урянхайскій вопросъ еще и теперь не снятъ съ очереди, имъ живо интересуются. Не берусь судить, насколько этотъ край намъ нуженъ и имѣетъ ли то или иное его будущее какое нибудь значеніе для нашего государства, но скажу только, что въ переживаемое нами время, когда въ борьбѣ за право и справедливость гибнутъ миллионы людей и тратятся миллиарды денегъ, не мѣшало бы обратить вниманіе и на маленькій Урянхайскій край и отнестись къ нему болѣе гуманно и справедливо.

Хоярханъ.

Въ самомъ сердцѣ Сайотіи, на лѣвомъ берегу Улу-хема, среди широкой равнины Инитальской степи, величественно поднимается красивый и гордый *Хоярханъ*—царь прибрежныхъ скалъ!

Сначала въ далекой синевѣ горизонта передъ глазами очарованнаго путника ясно вырисовывается только сѣверная часть Хоярхана съ его причудливыми вершинами, точно развалины древняго храма, а затѣмъ уже показывается и весь остовъ царственной горы, при чемъ cadaго сейчасъ-же поразить ея оригинальный видъ. Тогда какъ сѣверная часть Хоярхана полна жизни, и бѣлыя мраморныя колонны скалъ живописно спускаются въ темныя волны Улу-хема, а изъ глубокихъ ущелій весело выглядываютъ вѣковыя лиственницы,— южная часть его точно сожжена какимъ то чудеснымъ огнемъ и голая, почернѣвшая уныло смотритъ она своими черными уступами на раскинувшуюся у ея подножія пустынную степь!

Вся Сайотія знаетъ эту необыкновенную гору и въ своихъ былинахъ поетъ о ней красивую таинственную сказку.

I.

Много воды утекло съ того времени, когда могучій и грозный жилъ въ нашей землѣ Куптыхъ-хамъ. Но память о немъ осталась. Кто не видѣлъ у насъ чудной Бѣлой горы? Кто не знаетъ величаваго Хоярхана? Развѣ слѣной только?!

Словно бѣлый шатеръ, поднимается среди безпредѣльной равнины Царственная гора! Какъ молодая дѣвушка, стыдливо кнуаетъ она свои бѣлыя ноги въ прохладной волнѣ Улу-хема и, кажется, съ какимъ бы наслажденіемъ кинулась молодка въ эту чистую, свѣжую воду, да суровый обычай страны запрещаетъ женщинѣ погружаться въ водѣ выше колѣнъ! Горячее солнце ласково грѣетъ мраморное тѣло красавицы, а она сладострастно вытягиваетъ свой дивный станъ, сушитъ озябшія въ холодной водѣ ноги! Весело играетъ легкій вѣтерокъ по вершинамъ горы, тихо качаетъ онъ стройныя лиственницы, знаетъ вѣдь степной шалунъ, что это любимицы гордой красавицы скалы, ея милыя подруги-деревья-дѣвицы!

II.

Мирно кочуютъ вдоль степного берега богатые улусы (поселки) свободныхъ сыновъ нашей родины. Дружно живутъ они, весело пьютъ арагу, шумно встрѣчаютъ каждый вечеръ возвращеніе своихъ многочисленныхъ стадъ скота, овецъ и лошадей.

Большимъ почетомъ пользовался у нихъ Куштыхъ-хамъ, но любимцемъ всѣхъ былъ сынъ его Иммакай! Словно красная дѣвушка—красивый и нѣжный, съ ласковой и тихой улыбкой, онъ покорялъ сердца женщинъ. Сильный, ловкій и смѣлый, первый удалецъ (кайгаль), первый пѣвецъ и музыкантъ—онъ былъ гордостью цѣлаго рода!

Отецъ въ немъ души не чаялъ и всѣхъ другихъ дѣтей своихъ раздавалъ на воспитаніе многочисленной роднѣ, желая послѣ своей смерти все богатство, всю славу передать ему одному.

III.

Давно собирался суровый старикъ посвятить сына въ великое званіе хама, да все жалѣлъ его молодость, но наконецъ рѣшилъ. Годы шли, здоровье слабѣло, медлить нельзя!

Грустно выслушалъ сынъ желаніе отца, ничего не возразилъ, только низко опустилъ свою буйную голову и тихо вздохнулъ.

Потомъ опомнился, гордо вскинулъ на отца свой острый соколиный взглядъ и сказалъ: „отецъ, ты правъ въ своемъ желаніи передать мою душу Эрлякъ-хану, это великое дѣло; но посмотри, какъ я еще молодъ, какъ мнѣ хочется пожить

среди товарищей, хочется ласкать любимыхъ дѣвушекъ. устраивать удалые набѣги и приводить въ твои табуны захваченные въ этихъ набѣгахъ косяки рѣзвыхъ Турбетскихъ лошадей! Подумай, вѣдь ставъ хамомъ, я лишусь всего этого!“.

IV.

„Глупый мальчишка!“—сердито сказалъ старикъ.—„Ты не понимаешь, что говоришь! Развѣ какія либо удовольствія могутъ сравниться съ величіемъ и красотой нашего служенія?! Властный господинъ всего земного, ты дѣлаешься могучимъ сообщникомъ духовъ; живя среди людей, ты будешь знать всѣ тайны великой матери природы и смѣло, спокойно поймешь во главѣ нашего народа! Вѣдь ты знаешь, что въ рукахъ хама находится вся власть надъ народной душой! Бери же скорѣе мой старый, пѣвучій бубенъ и сегодня же, послѣ заката солнца, я передамъ и свое почетное званіе и свои глубокія тайны!“ Низко склонивъ въ знакъ согласія свою голову, Ирмакай сказалъ: „ча“—и молча вышелъ изъ юрты отца.

V.

Тихо переваливаетъ солнце за темнѣющія вдали вершины Таскыловъ. Воздухъ наполненъ гуломъ отъ топота ногъ гвозвращающихся съ пастбища стадъ. Въ улусахъ веселый оворъ, пестройное пѣніе и крики. Быстро посятся легкіе скакуны среди собранныхъ табуновъ, лихіе пастухи, какъ прикованные къ ихъ спинамъ, прямо съ сѣдла ловко набрасываютъ свои длинныя ременные арканы на тонкія шеи рѣзвыхъ степняковъ. Въ юртахъ идутъ оживленные разговоры о томъ, что сегодня будетъ великая ночь, что старый хамъ призоветъ всѣхъ духовъ и передастъ имъ своего любимаго сына! Кое-гдѣ шепчутся о томъ, что Ирмакай не отдастъ свою душу Эрликъ-хану и скорѣе умретъ, чѣмъ слѣдается хамомъ, но шопотъ этотъ замираетъ мгновенно, лишь только замѣтятъ суровый взглядъ какого-нибудь старика.

VI.

Но гдѣ же Ирмакай? Утромъ видѣли, что онъ съ ружьемъ за плечами быстро взбирался на крутые утесы Хоарха-

на; еще смѣялись, когда одна изъ его любовницъ, красавица Адья, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, намѣревалась послѣдовать за нимъ, да не рѣшилась: больно ужъ сурово смотрѣлъ сегодня вѣчно веселый Иммакай....

Вотъ уже темная ночь окутала таинственную мглою и тихую степь и вершину горы, а Иммакай не возвращался!

Густая толпа собравшихся окружила юрту стараго шамана и съ напряженіемъ ждала, что будетъ?

Печально поникла сѣдая голова хама, тяжело ему было думать, что сынъ сбѣжалъ, а между тѣмъ, въ толпѣ уже говорили это!

VII.

Тихо взявъ старый хамъ свой бубень, быстро повертѣлъ его надъ огнемъ и грозные, негодующіе звуки внезапно огласили воздухъ. Всѣ вздрогнули и боязливо посмотрѣли кругомъ. Мѣрно падали и разносились далеко призывные удары, сердито зашумѣла проснувшаяся рѣка, и въ сумракѣ окружающей ночи чудились шорохи летающихъ духовъ!

Дико завылъ испуганный волкъ, тихо пробиравшійся среди караганника къ овечьему двору! Жалобно застоналъ въ островахъ филинъ и изъ ночной мглы быстро вылетѣли и закружились въ воздухѣ летучія мыши, шумно радуясь звукамъ любимой музыки!

Все, казалось, ожило въ ночной тишинѣ, только величавые утесы Хоярхана злобще молчали.

VIII.

Вдругъ хамъ громко вскрикнулъ и подъ презрительный вой бубна началъ бѣшено крутиться, грозно звеня своими погремушками; изъ его горла послышались глухіе, полные какой то тайны, двойные звуки, а изъ подъ нависшихъ бровей гнѣвно засверкали огненные глаза! Разгнѣвался Куштыхъ-хамъ, а въ своемъ безумствѣ онъ не зналъ предѣловъ! Покорные могучей волѣ великаго шамана духи бѣшено носились по вершинамъ Хоярхана, тщетно ища дерзкаго бѣглеца! Наконецъ, силы оставили хама; какъ мертвый, онъ упалъ на руки сидѣвшихъ вокругъ огня стариковъ и затихъ въ глубокомъ обморокѣ.

Все смолкло; густая мгла окутала задремавшую землю, только тамъ, на Бѣлой горѣ, рѣзко слышался таинственный шелестъ лиственницъ, точно смѣялись онѣ, плутовки, надъ безсильной злобой хама и его покорныхъ духовъ!

IX.

Но вотъ страшная ночь миновала. Яркій лучъ восходящаго солнца заставилъ всѣхъ позабыть ночные ужасы, и беззаботныя дѣти природы весело занялись своими несложными работами; только убитый горемъ старый хамъ затворился въ юртѣ и не хотѣлъ никого видѣть! Днемъ нѣсколько молодыхъ охотниковъ отправились на вершину Бѣлой горы съ смутной надеждой найти тамъ Иммакаю, но возвратились вечеромъ, усталые отъ бесплодныхъ поисковъ, а въ слѣдующую ночь въ юртѣ Куштыхъ-хама снова загремѣли могучіе звуки бубна, то негодующіе, то молящіе; снова озлобленные духи быстро носились по темнымъ ущельямъ Хоярхана.

Такъ продолжалось долго, очень долго.

Старыя руки хама совсѣмъ высохли отъ чрезмѣрной работы и уже съ трудомъ держали волшебный бубенъ, а ослабѣвшіе отъ слезъ и горя глаза все больше и больше погружались въ непроглядную тьму; но хотя старое тѣло грознаго шамана сохло и умирало, его душа еще металась и гордый умъ придумывалъ неслыханную месть коварной горѣ, укрывшей въ своихъ нѣдрахъ его любимаго сына.

X.

О постигшемъ Куштыхъ-хама несчастіи скоро узнала вся страна, и живущіе въ разныхъ концахъ ея хамы поѣхали навѣстять великаго шамана.

Знойный день смѣнила удушливая, черная, какъ каровыя глаза, ночь. Небо, покрытое темными тучами, точно о чемъ то плакало, и мелкія капли его слезъ безшумно падали въ мутныя волны заснувшей рѣки.

Въ юртѣ хама сидятъ всѣ прибывшіе гости, а кругомъ ея собрался народъ и со страхомъ ждетъ чего то необычнаго. Ярко горитъ священный костеръ, освѣщая сидяція вокругъ него озабоченныя лица хамовъ, но вотъ сильнѣйшій и грознѣйшій ударъ чудеснаго бубна Куштыхъ-хама мгновенно разбудилъ ночную тишину, а за нимъ полились глухіе звуки

бубновъ его товарищей, и это бурное море звуковъ скоро заполняло и всю ширь необъятныхъ степей и всё ущелья окружающихъ горъ.

XI.

Народъ въ страхѣ сталъ на колѣни и молитвенно сложилъ руки! Тысячи красныхъ огненныхъ шариковъ то появлялись, то исчезали въ воздухѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались таинственные голоса, два раза прокричала кукушка, но призывной гулъ бубновъ не прекращался!

Держа бубны надъ головами и непрерывно ударяя въ нихъ, хама вышли изъ юрты. Впереди всѣхъ шелъ Куштыхъ-хамъ.— снова сильный, здоровый и грозный!

Народъ упалъ на колѣни и наклонилъ до земли свои головы. Вдругъ звуки бубновъ внезапно замерли и въ этотъ мигъ на небѣ появилось огненное облако, изъ котораго со страшнымъ громомъ посыпался въ разныя стороны снопъ молній.

Объятый невыразимымъ ужасомъ, народъ бросился въ свои жилища, ища тамъ защиты отъ огненного дожда. Дикій вой урагана, непрерывные удары грома въ воздухѣ и подъ землей продолжались всю эту страшную ночь, а когда все смолкло, наконецъ, то среди наступившей тишины слышался тихій трескъ горѣвшихъ лиственницъ на вершинахъ Хоярхана, да раздавались жалобные стоны звѣрей и птицъ, заживо сгоравшихъ въ этомъ гигантскомъ кострѣ!

XII.

Никто не спалъ въ эту страшную ночь. Лежали, не шевелясь. И такъ до самаго утра, когда свѣтлое вѣчно спокойное солнышко весело выглянуло изъ-за горъ. Ободренный его ласковымъ свѣтомъ, началъ выходить изъ юртъ нашъ народъ, и взоры всѣхъ со страхомъ и любопытствомъ обратились на преступную гору, которую густымъ облакомъ окутывалъ черный дымъ. Нѣкоторые пошли къ юртѣ хама, но она оказалась пустой—ни хама, ни его товарищей нигдѣ не было видно. Потомъ вспомнили о своихъ стадахъ, которыя ночнымъ ураганомъ разогнало въ разныя стороны; искали до позднего вечера, но никого не нашли и только дойныя коровы, кобылицы, козы и овцы уже ночью вернулись къ своимъ дѣтямъ, остальной скотъ такъ и пропалъ безслѣдно.

XIII.

Много дней спустя, узнали отъ пробѣзжихъ, что бывшіе тогда въ гостяхъ у Куштыхъ-хама шаманы въ то памятное утро оказались всё на своихъ мѣстахъ, перенесенные какой-то невѣдомой силой, а ихъ лошади съ сѣдлами возвратились домой позднѣе и привели за собой по сотнѣ головъ разнаго скота и лошадей.

О Куштыхъ—хамѣ никто ничего не зналъ. Въ его юртѣ однако постоянно поддерживали огонь; его коръ въ ежедневно доили и изъ молока дѣлали хойпакъ, пыштаки, арджи и сарджякъ, надѣясь, что любимый хамъ такъ же внезапно появится, какъ внезапно исчезъ. Никому не хотѣлось думать, что великій и мудрый хамъ навсегда оставилъ свой народъ, и все ждали, долго ждали, но потомъ потеряли надежду дожидаться и понемногу стали забывать о немъ.

XIV.

Когда разсѣялся дымъ и вершины Хоярхана снова освѣтило солнце, всё увидѣли, что небесный огонь сжегъ весь лѣсъ и превратилъ въ угли бѣлые камни на южной сторонѣ горы, сѣверный же склонъ остался невредимъ, бѣлыя скалы его попрежнему ласково бесѣдуютъ съ голубыми волнами Улу-хема, а ярко-зеленныя лиственницы весело качаютъ своими могучими вѣтвями, точно стряхиваютъ съ себя тяжелый кошмаръ пережитаго.

Посмотрѣли на дивную гору и глубоко задумались, но сколько не думали, разгадать тайны совершившагося не могли!

XV.

Долго ждалъ своего хама народъ, старики умерли, а молодые посѣдѣли, уже ждать перестали, какъ вдругъ однажды ночью услышали призывные звуки знакомаго бубна!

Неслась они съ сожженныхъ вершинъ Хоярхана и слышалась въ нихъ такая глубокая скорбь, что не только люди, даже звѣри заплакали.

Утромъ отправили смѣльчаковъ искать любимаго хама, но тѣ возвратились страшно перепуганные и рассказали, что, поднявшись на вершину Хоярхана, увидѣли Куштыхъ-хама съ бубномъ въ рукахъ, но лишь только ближе подошли къ

нему, какъ онъ превратился въ черный обгорѣвшій пень, а когда они въ ужасѣ отбѣжали прочь и потомъ оглянулись, то увидѣли хама въ черной одеждѣ съ распоротымъ животомъ, и въ отверстіе видны были всѣ внутренности.

XVI.

Больше уже никто не видѣлъ Чернаго хама (Кара-хамъ), но память о немъ жива и сейчасъ, не забыли также и прекраснаго, но коварнаго Иммакая, который такъ и исчезъ безслѣдно. Только безслѣдно-ли?

Говорили потомъ старики, будто съ тѣхъ поръ, какъ погибъ великій Куштыхъ-хамъ, не стало въ нашей землѣ могучихъ хамовъ. Тѣ, что были на страшномъ праздникѣ мести, быстро разбогатѣли отъ доставшагося имъ такимъ чудомъ скота и скоро совсѣмъ забыли свое священное назначеніе, а ихъ потомки, мучимые внутреннимъ огнемъ, помимо ихъ воли загоравшимся въ придавленныхъ жизнью сердцахъ, безсознательно, словно больные въ припадкѣ сумашествія входили въ сношеніе съ злыми духами нашей родины, но были уже не господами, а послушными рабами ихъ.

XVII.

Жалобно воеетъ холодный осенній вѣтеръ въ долину Пинтала, тихо шумитъ онъ вершинами сосенъ въ сосѣднемъ бору. Мокрый снѣгъ падаетъ на высохшую траву, на оголенные вѣтки тополей, падаетъ въ холодныя волны Улу-хема.

Сквозь мелькающую въ воздухѣ снѣговую сѣтку видѣются вдали бѣлыя колонны Царственной горы, и среди нихъ точно силуэтъ Кара-хама, согнутый подъ тяжестью вѣковой скорби сайотскаго народа, возвышается черный камень сѣвернаго Хоярхана.

Черное смѣшалось съ бѣлымъ, чистое и свѣтлое съ поганымъ и темнымъ!

Не стало Куштыхъ-хама,—не стало и силы пародной!

Жалкій, обвиняемый живетъ теперь сайотскій народъ и только въ сказкахъ видитъ еще свое свѣтлое прошлое!

И. Сафьяловъ.

МОСКВА

Неглинная ул., д. 9

Центральный коллентор
научных библиотен Главкниготорга
Министерства Культуры СССР

Ленинград, Эвенигородская, 11
Тип. № 3 им. Ивана Федорова